

Следственное дело Эрнеста Миниха как исторический источник

Исследование одного отдельно взятого следственного дела может показаться странной инициативой – особенно после монографического исследования Е.В.Анисимова, посвященного политическому сыску XVIII в. в целом. В данном конкретном случае, оправдательным моментом является сам характер моего исследования, посвященного начальному этапу русской мемуаристики. Мою рабочую концепцию можно было бы выразить следующим образом – становление российского автобиографического повествования оказывается связанным с Тайной канцелярией в том смысле, что нарративы, сформировавшиеся во время допросов, повторялись и корректировались в мемуарных текстах. То, что важнейшие мемуарные тексты были написаны в политической ссылке, предопределило и самооправдательный, апологетический характер повествования. В этом смысле сравнение мемуарных текстов и показаний, данных на следствии, оказывается наиболее логичным источниковедческим ходом (подобное исследование, посвященное делу фельмаршала Бурхарда фон Миниха, было представлено мной на конференции в Высшей школе экономики в прошлом году).

О деле Эрнеста Миниха чаще всего судят по формулировке приговора, вынесенного Генеральным судом: «Бывший обер-гофмейстер Миних по разговорам с графом Левенвольдом, да с бароном Менгденом о намеряемой в сукцессии перемене и прочих по тому делу происходивших предприятиях ведал же, и хотя при том ни в каких предосудительных и вредных разсуждениях ни с кем не вступали, совета и наставления никому ж не дал; однако оных, быв у принцессы Анны и супруга ея в великой милости и видя от того чаемое зло, пристойными образы отвращать у них не старался». ¹ Эта фраза создавала вызывала ощущение крайней шаткости обвинения – действительно, Миних обвинялся не в недоносительстве (авторы приговора не могли всерьез требовать от Миниха-младшего, чтобы он донес на Левенвольде и Менгдена в Тайную канцелярию), но, скорее в недостаточно энергичном использовании собственной привилегированной позиции для того, чтобы повлиять на готовивших нелегальные перемены в престолонаследии придворных. ²

Именно эта фраза и создала у многих исследователей впечатление о том, что Миних-младший поплатился не за разговоры, а в основном, за деятельность своего отца. Возможно, именно в силу этого не привлекло к себе внимание и следственное дело. ³ Между тем, Эрнест Миних к 1741 г. был вполне самостоятельной политической фигурой. Гофмейстер принцессы Анны Леопольдовны, он сумел безболезненно пережить отставку своего отца. Совершенно очевидно, что он понимал неумеренность претензий своего отца, но ничего не смог сделать, чтобы предотвратить его падение. Как к гофмейстеру Анны, к нему обращались высшие лица империи, надеявшиеся, что он сможет передать их информацию регентше. Кроме этого, он продолжал общаться со своим отцом, доводя до его сведения придворные новости.

Обращаясь к следственному делу, надо сказать, некоторые показания него вошли в состав «Реестр экстрактам из допросов», которые впоследствии были опубликованы. Понятно, что в «Реестр», подготовленный следственной комиссией для Генерального суда, попало только то, что могло пригодиться для обвинительных приговоров. ⁴ Так, в

¹ ПСЗ. Т. XI. 1740.1743 гг. № 8506. С.575 (Об отмене смертной казни приговоренным к оной Генеральным судом государственным преступникам... 22 января 1742 г.).

² Можно только согласиться с В.Наумовым, назвавшим это обвинение «нелепым» (Перевороты и войны. 499).

³ РГАДА. Ф.6 (Секретные дела), оп.1, № 309, Допросы Эрнста Миниха (1741-42 гг.).

⁴ Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Санкт-Петербург, 1872. С.256.

следственное дело не попала «очная ставка» с Левенвольде – судя по всему, единственная очная ставка, которой подвергся Эрнст Миних. Не попала туда и крайне интересная помета, согласно которой Миних успел попросить у новой императрицы о помиловании, «как уже ее императорское величество, в бытность его под арестом, высочайше своею милостию обнадеживать соизволила».⁵ Если добавить к этому, что Эрнст Миних вполне лояльно вел себя на допросах, довольно много рассказав комиссии, то появляются все новые и новые вопросы. Почему те сведения, которые Миних рассказал на следствии, не заинтересовали комиссию? Почему важнейшие из этих сведений не попали в «Записки»? Почему оказалось невыполненным милостивое обещание новой императрицы?

Следователи, прежде всего, хотели получить у Эрнста Миниха сведения о том, как окружение Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны мешало воцарению законной наследницы – Елизаветы Петровны. Здесь Миних дал два показания, которые мало что дополняют к общеизвестному (и которые, в контексте следствия, не могли повредить никому из близких Миниху-младшему лиц). Один раз речь шла о распоряжении Анны Леопольдовны следить за цесаревной, к которой ездит «французской министр», то есть Шетарди, от чего могут произойти некоторые «интриги».⁶ К этой слежке были определены будто бы некоторые унтер-офицеры. Второй случай – необходимость допроса «Лештока», на которой будто бы настаивал Остерман.⁷ Все это не привлекло внимания следствия. Никаких вопросов другим подследственным, основанных на этих показаниях, задано не было.

Только один раз Миних, кажется, оказался действительно на волосок от гибели. Речь шла о признаниях Левенвольде, который рассказал, что получил от Остермана письмо «из Брабандии», написанное неким Совпланом – лицом, очевидно, известным следствию (во всяком случае, никаких вопросов о нем задано не было). В этом письме, со ссылкой на одного «из брабандских губернаторов» говорилось о некоем заговоре в пользу Швеции, созревшем в России. Левенвольде утверждал, что показал письмо принцессе Анне Леопольдовне, а также «сказывал... про то письмо» Миниху-младшему. Передпрошенный по этому вопросу, Миних защищался довольно уверенно, сказав, что он слышал о предупреждениях из-за границы от принца Антона-Ульриха, Менгдена и Левенвольде – только вот речь шла в них лишь о происках «чужестранного министра» в России. Следователям понадобилась очная ставка с Левенвольде, во время которой он подтвердил свои прежние показания, но Миних был тверд и отрицал всяческую нелояльность к цесаревне – он признал только, «заподлинно не помнит» того, слышал он или нет о содержании крамольного письма. Свои разноречивые показания, которые были ввиду их важности включены в «Реестр», Миних и Левенвольде удостоверили «под смертною казнию».⁸

Зато два других эпизода, рассказанных Минихом, заслуживали большего внимания. В «Реестры» они не попали, и в публикации они не отражены. Речь идет об истории приготовлений к манифесту о престолонаследии, а также истории несостоявшейся попытки сместить Остермана.

⁵ Там же. С.267. Представляется, что процитированный оборот подразумевает личную встречу арестованного с новой императрицей. Такая встреча могла произойти в момент, когда арестованные были свезены в Зимний дворец, а также во время допросов, производившихся в присутствии Елизаветы. Учитывая то, что Миних все-таки принадлежал ко второму ряду обвиняемых, я склоняюсь – конечно же, в рамках гипотезы – к первому варианту.

⁶ РГАДА. Ф.6 (Секретные дела), оп.1, № 309, л.12.12об., 31

⁷ РГАДА. Ф.6 (Секретные дела), оп.1, № 309, Л.14об. Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Санкт-Петербург, 1872. С.265

⁸ Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Санкт-Петербург, 1872. С.263.265.

Первый из этих эпизодов достаточно хорошо известен в историографии. Наиболее полно его история восстановлена в книге И.В.Курукина. Согласно историку, регентша приказала Ивану Тимирязеву подготовить два проекта манифеста о престолонаследии – согласно первому, Иоанн Антонович объявлял, что наследницей в случае его смерти оказывается его мать, а согласно второму – определял престолонаследие за своими братьями и сестрами. В совещании по этому вопросу, состоявшемся 3-4 ноября 1741 г., приняли участие А.И.Остерман, князь А.М.Черкасский, граф М.Г.Головкиным и архиепископ Новгородский Амвросий (Юшкевич). Совещание не дало никакого результата, так как Головкин высказался в том смысле, что для подобного решения нужно участие Сената и «генералитета», что прямо отсылало к событиям 1730 г. Показательно, что это совещание оказалось отражено в официальном отчете – при этом, совершенно не ясно, находился ли этот документ в распоряжении следователей.⁹ Проанализированные И.Г.Курукиным источники дают крайне противоречивое представление о роли М.Г.Головкина – представляя его то инициатором, то тем, из-за которого все дело ничем не кончилось.¹⁰

Миних признал, что слышал о подобных планах и даже упоминал о них сам, но при этом не признавал их реалистичными. Действительно, для того, чтобы оформить их, нужно было решение царствующего императора, который был младенцем, и который, в таком случае, должен был действовать в пользу своей матери и своих будущих братьев и сестер.¹¹ Миних обсудил этот проект со своим отцом, высказал недоумение («На что де сие дело начинают») небезосновательно предположил, что подобное распоряжение, данное от лица Иоанна Антоновича, может посеять «в далних провинциях» сомнения в состоянии здоровья императора, а то и вызвать подозрения в том, что его уже нет в живых.¹² (интересно, что указана точная дата этого разговора – 24 ноября 1741 г. – как раз накануне елизаветинского переворота). Представляется, что Эрнст Миних был здесь вполне искренен, поскольку рассказал следователям больше, чем другие обвиняемые – так, именно он упомянул о том, что обсуждал тему с Левенвольде. Последний вынужден был признать факт такого разговора.

⁹ Курукин И. Анна Леопольдовна; Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Санкт-Петербург, 1872.

¹⁰ К сожалению, какой-либо серьезной статьи в биографическом словаре, посвященной графу М.Г.Головкину, не говоря уже о научной биографии, не существует. Биографический очерк, вышедший из под пера М.Д.Хмырова, носит крайне идеализованный характер - в нем М.Г.Головкин противопоставляется Миниху и Остерману, а вся его деятельность объясняется родовой лояльностью - («он предпочел пользы жениной племянницы пользам своей правнучатой сестры»), то есть предпочел интересы Анны Леопольдовны – интересам цесаревны Елизаветы (Хмыров М.Д. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701-1791). Исторический очерк по архивным документам. М., 2013. С.189). В то время, как жена М.Г.Головкина, урожденная княжна Ромодановская, была Салтыковой по бабушке, родственные связи Головкиных и Нарышкиных, кажутся фантазией автора.

¹¹ Здесь есть смысл задуматься о самом характере власти, созданной переворотом 1740 г. Здесь до сих пор еще сильно влияние официальной версии правительства Елизаветы, рассматривавшей результаты переворота как узурпацию. Однако власть «узурпаторши» была крайне своеобразной. В отсутствие какого-либо российского законодательства о несовершеннолетии монарха (или наследника) и о регентстве, переворот 1740 г. сформировал своего рода «коридор» длиной приблизительно в пятнадцать лет, на протяжении которого Брауншвейгская фамилия должна была бы удерживать власть перед лицом внешних и внутренних вызовов. При этом сама политическая стабильность висела на волоске – здесь достаточно вспомнить о детской смертности - а целый ряд документов, который мог быть издан от лица императора-ребенка, мог казаться нелегитимным. Впрочем, точно то же можно сказать и о регентстве герцога Курляндского. Трудно сказать, насколько организаторы вручения регентства Бирону – или Анне Леопольдовне – задумывались над долгосрочностью своего сооружения. Но, в последнем случае, можно было бы даже при желании даже увидеть здесь определенный умысел.

¹² РГАДА. Ф.6 (Секретные дела), оп.1, № 309, л.л.47об. Показательно, что следственная комиссия даже не затруднилась тем, чтобы передпросить Миниха-старшего по этим показаниям, или устроить отцу очную ставку с сыном. Следователи просто сверили имеющиеся показания, пометив на полях, что Миних «в допросе своем о сказывании ему сыном ево о сукцессии не показал» (Там же).

Некоторое время спустя после допроса Миних – по собственному побуждению – дополнил его, сделав чрезвычайно важное заявление. Насколько мне известно, до сих пор это показание не публиковалось, поэтому я привожу его полностью:

«Перед несколькими временем приехал к нему рейхс-канцлер князь Алексей Михайлович Черкасской и объявил ему в разговорах что де от бывшей правительницы принцессы было повелено кабинетным министрам обще с Новгородским архиереем о предбудущей сукцессии российского престола определение учинить, и по тому де ево Головкина словам посланы к реченному архиерею, которой в Кабинет и приехал. И когда обще с тем архиереем к Остерманну поехали, а тогда согласились чтоб подумав о том написать каждому свое мнение, которое подать ему Остерманну, дабы и он высмотрев оныя мнения, своим рассуждением по тому делу мог написать».

«После того дожидал он князь Алексей Михайлович того что от графа Головкина по тому делу в кабинет ему какое предложение будет, токмо онаго ничего не последовало, а будучи конной гвардии у ротмистра князя Репнина на свадьбе, случилось ему князю Черкасскому подле Головкина сидеть, по которому случаю у него спрашивал, что по известному делу, чаят ли у нас съезд или нет, на что Головкин отвечал, что де ему о том скажет в иное время. И, вставши стула спросил он у него, Головкина, паки наодине, что не изволил ли он ему теперь о том сказать, токмо на то он Головкин не отвечал, но, оборотясь, сказал «Вот-де уже зачали танцевать, пойдем посмотреть» и с того де времени поныне ему Черкасскому никто про то дело уже больше ничего не объявлял и видно де по тому что реченной Головкин с архиереем то дело одны на себя принять намерены. Он же граф Миних на то князю Черкасскому отвечал, что слышал де он о таком намерении что о сукцессии определение чинить хотят, но по ево де рассуждению надлежит в том поступать с великою осторожностью, дабы как российскому народу так и чужестраным областям к разным о том рассуждениям поводу не давать, на что де князь Алексей Михайлович отвечал что то де подлинно так, но токмо графу Головкину и новгородскому архиерею то едва сочинить будет можно по которым словам он князь Алексей Михайлович встав с ним Минихом простился. А он благодаря ему за ево посещение, сказал что понеже он Миних надеется что князь Черкасский ему о вышеписаном объявлял в таком намерении чтоб он о том доложил принцессы анны, и того де ради он того чинить не преминет. И он Миних потом о таких его князя Черкасского разговорах объявил фрейлине Юлиане и велел ей про то сказать принцессе Анне...».¹³

Не настаивая на достоверности показания Миниха-младшего, но и не ставя его под сомнение, необходимо сказать, что у него были все личные основания для его дачи. М.Г.Головкин был арестован вместе с Минихами – во всяком случае, арестованные, доставленные сначала в Зимний дворец, а уже потом в Петропавловскую крепость, должны были быть в курсе круга арестованных. Трудно сказать, насколько Миних понимал, что канцлер А.М.Черкасский не только не пострадал при перевороте, но и выдвинулся на одну из первых ролей. В этих условиях выступление Миниха – правдивое или нет – было довольно смелой попыткой переиграть распределение ролей, сложившееся в ноябрьскую ночь 1741 г. Логичным правовым ответом на это была бы очная ставка Миниха с отцом, а также допрос Черкасского. Однако, ни того, ни другого не последовало.

Возможно, пассивность следствия могла быть объяснена вторым эпизодом, рассказанным Минихом-младшим, который вообще не нашел отражения в историографии. Дело в том, что Миних рассказывает о своего рода тайной беседе между М.Г.Головкиным, принцем Антоном-Ульрихом, Менгденом и Левенвольде, состоявшейся вскоре после начала шведской войны. Во время этой беседы было

¹³ РГАДА. Ф.6 (Секретные дела), оп.1, № 309, л.17-17об.

высказано предложение отставить Остермана, фигура которого казалась совсем неуместной ввиду начавшейся войны со Швецией. Миних младший был посвящен в этот разговор и высказался следующим образом: «что хотя его отец и имеет притчину Остерманом быть недовольным, однакож, ежели когда принцесса Анна в том его отца потребует, то он отец ее засвидетельствует, яко граф Остерман надобнее графа Головкина». Впоследствии Эрнст Миних доложил об этих планах своему отцу, когда тот вернулся из деревни. Реакция Миниха-старшего была негативной, хотя сама фраза из показаний остается несколько двусмысленной («на что де он, отец, ему сказал что он то учинить готов»)¹⁴. Необходимо отдать должное политическому реализму Миниха, который, несмотря на свою вражду к Остерману, понимал, что эта группировка никак не сможет удержать власть без Остермана.

Этот эпизод тоже мог бы заинтересовать следствие, но этого не случилось. Логичным было бы передопросить бывшего фельдмаршала, или устроить ему очную ставку с сыном, но этого тоже не случилось. Представляется, что рассказанная Эрнстом Минихом история не вполне укладывалась в новую официальную концепцию событий. Вряд ли кто-либо был отныне заинтересован в том, чтобы ближайшее окружение регентши не как единую группировку, а в виде нескольких групп, боровшихся за власть. Тем менее удачным был и эпизод с несостоявшимся заговором М.Г.Головкина. В случае его успеха окружению Анны Леопольдовны удалось бы своими силами отстранить Остермана – ключевую фигуру в новой официальной мифологии, которому приписывалось многократное устранение цесаревны от престолонаследия. В этом случае у руля оказывался российский вельможа, сын петровского канцлера, который выгодно оттенял регентшу, которая все же могла ссылаться на то, что она была дочерью настоящей царевны и внучкой царя. А неловкую фигуру генералиссимуса принца Антона-Ульриха можно было бы при случае куда-нибудь задвинуть. Нетрудно понять, что заговор Головкина не попал в приговор и остался в целом неизвестным.

Признания Миниха-подследственного позволяют многое понять в свидетельствах Миниха-мемуариста. Прежде всего, совершенно понятно отсутствие главного сюжета – попытки принцессы Анны Леопольдовны изменить свой статус. Ни дворцовый переворот 1741 г., ни смерть Анны Леопольдовны в 1746 г., не делали тему менее запретной. Можно сказать, что характер темы изменился после убийства Иоанна Антоновича, ни даже окончательный отъезд из России Брауншвейгского семейства сняли ореол запретности.

Тем не менее, показания 1741 г все-таки отражаются в «Записках», в которых мы находим другой, симметричный эпизод, относящийся к регентству Бирона, главными действующими лицами которого являются А.М.Черкасский и М.Г.Головкин. Миних создает здесь крайне привлекательный образ Головкина, отмечая «вольные речи», направленные против герцога Курляндского, которыми он заслужил неудовольствие императрицы Анны Иоанновны. Еще более определенной становится его позиция во время кратковременного регентства Бирона - «и как он... мало добра от нынешнего регента ожидать мог, то все его помышления стремились к тому единственно чтобы его низринуть». Так Михаил Головкин оказывается во главе своего рода заговора, направленного против регента-Бирона. Этот заговор, поддержанный многими офицерами гвардии, должен был осуществляться по аналогии с событиями 1730 г. – «в назначенный день все без изъятия к заговору приступившие пошли к принцессе Анне и у ног ее просили, дабы она избавила их от ненавистного регента и приняла на себя правление во время малолетства сына ее императора».

Для вящей параллели с событиями 1730 г. Головкин советует заговорщикам обратиться к Черкасскому, который тут же донес Бирону о происшедшем. Несмотря на

¹⁴ РГАДА. Ф.6 (Секретные дела), оп.1, № 309, Л.32-32об. Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Санкт-Петербург, 1872. С.253.

допросы и пытки, никто из заговорщиков не выдал Головкина, «хотя весьма строго о том разведывали, поелику каждому известно было, что они графские клиенты».¹⁵ В последнем случае приходится признать, что Миних достаточно точно описывает дело подполковника Пустошина. Последний действительно жил в одном и том же доме с М.Головкиным, а доносчик Б.С.Тырков видел, как он обсуждает с Головкиным сбор подписей под челобитной в пользу регентши. Кроме Пустошина, в дело оказался втянут капитан В.Аристов, служивший под начальством М.Головкина, Пустошин действительно соибрался обратиться к А.М.Черкасскому или к А.И.Ушакову, но его деятельность пресек донос первого Бирону.¹⁶

Параллелизм двух рассказов заметить нетрудно. И в первом, и в другом случае Головкин оказывается прозорливым патриотом – сначала организуя заговор против герцога Курляндского, а затем саботируя сомнительное поручение регентши. И в первом, и во втором случае Черкасскому отведена незавидная роль доносчика. Отметим, что все эти параллели не дают еще возможности ставить обе рассказанных истории под сомнение – в конце концов, у политического долгожительства Черкасского должны были быть свои причины. Однако они позволяют понять интенции и логику Миниха-мемуариста.

Михаил Гаврилович Головкин умер в ссылке на Колыме в 10 ноября 1755 г. Можно предположить, что весть о его смерти донеслась до обеих столиц не ранее 1757 г. Со всей определенностью о ней узнали после возвращения в Москву графини Екатерины Ивановны Головкиной, привезшей с Колымы в Москву гроб мужа. Возвращение Головкиной из Сибири приблизительно совпадает с тем временем, когда Миних работал над своими воспоминаниями (надо отметить, что Головкин никогда эксплицитно не упоминается в них как уже покойный). Можно предположить, что в своей вологодской ссылке Миних мог знать об этих событиях, и что это могло подтолкнуть его к воспоминаниям.

¹⁵ Безвременье и временщики. С.169.170. Впоследствии этот рассказ будет расширен Э.Минихом в «Замечаниях на Записки генерала Манштейна о России» (С.179-180).

¹⁶ Aleksandr B.Kamenskij, Die russische Gesellschaft und die Thronbesteigerung Ivans VI // Braunschweigische Fürsten in Russland in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1998. S.160-161.